

Ученики и коллеги о Н.Л. Лейдермане

Мое знакомство с Н.Л. началось в 1973 году, когда я стал первокурсником Свердловского пединститута. Н.Л. преподавал тогда курс «Античная литература». И хотя в то время не было в ходу столь популярного сегодня слова «харизма», сама по себе она была всегда, и в общении с любимым преподавателем мы ее чувствовали. 40 лет – это большой срок, который неизбежно меняет акценты в воспоминаниях. Однако и сегодня, глядя на фотографии студенческих лет, я живо вспоминаю празднование в доме Н.Л. «Дня печати» и ритуальное исполнение песни «От Москвы до Бреста нет такого места...», которое исполнялось сначала по памяти, а потом всегда бежали за текстом, так как до конца слов не помнили. Не забыть и полуночную авральную работу над очередным выпуском газеты «Филолог», которую курировал «шеф». Он всегда анализировал помещенные в ней материалы, и похвала его, как и критика, имели для нас особый вес и значение.

Н.Л., без сомнения, один из самых важных людей для меня: он определил мою судьбу как преподавателя и как исследователя-литературоведа. И за то я ему безмерно благодарен. Горжусь тем, что я – ученик Наума Лазаревича Лейдермана.

Кубасов А.В., УрГПУ, Екатеринбург

Слух о Науме Лазаревиче Лейдермане стал ходить среди нас, студентов, задолго до того, как мы с ним встретились на лекциях по современной литературе. Старшекурсники пугали нас строгостью преподавателя, непримиримостью к лентяям и нечитающим «филологам».

И вот она, первая лекция профессора Лейдермана. Без традиционной кафедры и конспекта. Свободное общение, ожидание диалога, которого мы пока опасались. Голос такой, что не заснёшь, даже если всю ночь готовился к очередной «агитке». Одесский говорок и юмор – всё было в нём необычно. И сразу Наум Лазаревич завоевал у нас исключительный вотум доверия, и не только потому, что он профессор, член Союза журналистов. Верилось, что он знает всё, и во всё, о чём говорит, искренне верит.

Я горжусь тем, что была в числе слушателей первого спецкурса по современной советской литературе, задуманного и организованного Наумом Лазаревичем. Дальновидный учёный, он уже тогда понимал, что вуз и школа должны теснее сотрудничать, и познакомил нас с лучшими учителями г. Свердловска: А.М. Сапир, К.Д. Кузнецовой, М.А. Богуславской. Нам посчастливилось быть на уроках этих замечательных учителей, слушать их лекции. И задолго до выхода в свет книги для учителей по современной литературе, у меня на руках уже была тетрадь с конспектами уроков, вариантами ИОЗ, вопросами для учащихся в рукописном варианте. Эту ценную тетрадь я храню до сих пор и пред-

почитаю пользоваться ей при подготовке к урокам внеклассного чтения. Не знаю, проводились ли такие семинары после нас, но мы, имея «в копилке» такие тетради и знакомство с учителями-новаторами, чувствовали себя в хорошем смысле исключительными, считали себя «лейдермановцами».

Наум Лазаревич всегда хотел приподнять учителя над собой, над другими, хотел помочь ему быть современным, квалифицированным специалистом, который сможет увлечь своих учеников. Учёный организует курсовую подготовку для учителей, работающих в классах гуманитарного профиля «Филология и культура». Попасть на такие курсы было большой честью для педагога.

На курсах Наум Лазаревич настоятельно советовал продолжать учёбу в магистратуре, аспирантуре, ведь только тот имеет право учить, кто сам постоянно учится. И я решилась продолжить образование на кафедре современной русской литературы. Круг учёных, с которыми я познакомилась в период работы над диссертацией, обогатил меня и в человеческом, и в профессиональном плане. Жаль, что на защите диссертации уже не было Наума Лазаревича, но, думаю, ему не было бы за меня стыдно.

Еще учась в институте, я купила книгу «Движение времени и законы жанра» 1982 года издания. С того времени я собирала библиотечку книг, написанных учёным. Последней на полку была поставлена книга «Теория жанра», ставшая итогом жизни учёного.

Все мои выпускники знают имя Н.Л. Лейдермана как моего учителя, как учёного с мировым именем. На уроках литературы часто ссылаюсь на его авторитет, привожу цитаты из его статей. А значит, жизнь учёного продолжается!

*Овчинникова М.Н., учитель русского языка и литературы
МАОУ «СОШ № 22», г. Верхняя Пышма*

Я начала работать в педуниверситете в 1981 г, окончив аспирантуру в УрГУ им. А.М. Горького. Поскольку я пришла на смену своей маме, вышедшей на пенсию, то и читала я курсы, перешедшие мне «по наследству» – историю русской литературы второй половины XIX в., историю литературной критики. Когда в 1985 г. наша единая кафедра разделилась, я оказалась на кафедре Наума Лазаревича Лейдермана, внезапно получив к сентябрю совершенно новую для себя нагрузку, в том числе – Серебряный век, который тогда состоял из Горького, Маяковского, Блока и, конечно, Вересаева и Серафимовича. Уж плакала я тогда, так мне было жалко «моих» классиков... А оказалось, что это событие стало решающим в моей судьбе: как раз с конца 80-х открылся читателю модернизм начала XX в., это был настоящий бум, писались замечательные исследования, одни сборники Тарту и работы З.Г. Минц чего стоили! Так что я увлеклась символизмом, потом, в меру сил и

возможностей – литературой эмиграции, а в последнее время – актуальной литературой.

Главные качества Наума Лазаревича как ученого – способность к фундаментальным теоретическим обобщениям в сочетании с тонким, артистичным анализом поэтики конкретного произведения. Мне кажется, он привил нам всем понимание недостаточности самоценного анализа, без ответа на вопросы: зачем? почему? что это дает? И, конечно, внимание к контексту, и собственно литературному, и социокультурному.

Замечательный организатор, успевающий всё, требовательный руководитель, не стесняющийся сказать «открытым текстом» свое мнение хоть о статье, хоть об открытой лекции, хоть о главе в диссертации. Иногда казалось, что он нарочито не хвалил, а сразу переходил к недостаткам. Наверное, он считал, что хорошее, интересное – очевидно, но ведь упущено то-то и то-то, нужно доделать, додумать, дописать. Мы расстраивались порой, но никогда на него не обижались, потому что его критика всегда была по существу, а не из каких-либо мелких побуждений, критика во благо НАУКИ ФИЛОЛОГИИ, которой он был абсолютно предан. Себя ведь он тоже не жалел, работал всегда с полной самоотдачей.

И, конечно, к нему привлекало человеческое, мужское обаяние, умение пошутить, посмеяться, подурочиться. Вот Лиля Иосифовна вспоминает, что он всегда сыновьям желал: «Живите весело!». В общем, он держал кафедру в тонусе, не давал расслабиться, увлекал, зажигал своим энтузиазмом. Кафедра всегда для него была большой семьей.

Продолжают жить в науке все работы Наума Лазаревича, не случайно он вошел в список 100 самых цитируемых литературоведов России. Огромное ему спасибо за итоговую «Теорию жанра», за учебники по русской литературе 1920-х, а потом и 1930-х гг., вышедшие уже посмертно. До сих пор остается лучшим учебник по русской литературе второй половины XX века, написанный совместно с Марком Липовецким (а за Марка – отдельное спасибо Науму Лазаревичу!). Но и другие работы по-прежнему актуальны. Вот только что аспирант из Краснодара написал, что книжка Наума Лазаревича о творчестве Николая Коляды, еще 80-х гг., первая тогда работа о Коляде, до сих пор остается лучшим из того, что написано об этом драматурге.

Сегодня статус преподавателя радикально изменился. Сошлюсь на статью Дм. Голышко-Вольфсона «Несвоевременные заметки о статусе литературного труда», где перечисляются наиболее болезненные черты, с которыми столкнулась нынешняя интеллигенция: «... незащищенность труда, академический прекаритет, пассивный конформизм, приспособленческая инертность и отсутствие социальной солидарности» (Транслит. 2010. № 8. С. 32). Возможно, не все так плохо, но многое, действительно, непривычно, в частности, пресловутая «наукометрия». Хочется верить, что та высокая планка и в науке, и в преподава-

нии, которую задал нам Наум Лазаревич, поможет нам справиться со всеми трудностями, не поступившись самым главным – профессионализмом и ответственностью.

Барковская Н.В., УрГПУ, Екатеринбург

Наум Лазаревич... Впервые я услышала это имя от своей учительницы литературы Аси Михайловны Сапир. Мы благоговели перед Асей Михайловной, она преклонялась перед Наумом Лазаревичем, считала его своим учителем. Конечно, мы с особым чувством ждали его лекции в 10 классе (филологический класс – во многом его детище!). У меня, десятиклассницы, после лекции Наума Лазаревича произошёл настоящий переворот в сознании. Потрясла идея о том, что любое художественное произведение – это образ мира, понравилось само слово «хронотоп», подкупила эмоциональность лектора, доверительная интонация, харизматичность. Я подумала: «Вот это глыба!» Конечно, после этой встречи у меня не было сомнений в том, что надо поступать на филфак УрГПУ: ведь там же Лейдерман!

Среди главных качеств я бы отметила удивительную внутреннюю свободу Наума Лазаревича, феноменальную работоспособность, творческую энергию, принципиальность, чувство юмора. Наум Лазаревич писал о героях горьковских портретов: «Это личности, в которых бурлит и играет, буквально выплёскиваясь, духовная энергия, кто умеет жить, наслаждаясь бытием, кто чувствует себя соучастником великого действия по преобразению жизни». Так вот, он сам был такой личностью.

Общение с Наумом Лазаревичем в процессе написания курсовых работ, потом диплома, потом кандидатской диссертации оказало на меня колоссальное влияние, способствовало научному становлению. Он щедро делился своими научными идеями, заново открывал для себя поэтов и писателей вместе с учениками, например, согласился изучать со мной Цветаеву, которая была ему не очень близка. «Носители жанра», «принципы миромоделирования», «образ миропереживания» – эти понятия, связанные с теорией жанра, постоянно повторяются в моих работах, посвящённых модернистским поэмам 1920-х годов.

Работы Наума Лазаревича, особенно 90-х – 2000-х годов, стали моими настольными книгами. Чаще всего обращаюсь к «Теории жанра», горжусь тем, что там есть глава, написанная со мной в соавторстве, к «Русской литературной классике XX века» – великолепному циклу мини-монографий о писателях и поэтах XX века, для меня это образцы филологического анализа текста, к монографии о Есенине. Наверное, студентам, у которых я веду русскую литературу 1920-х годов, уже надоели отсылки к Лейдерману, потому что, изучая с ними Бабеля, Есенина, «поэмы в прозе», Олешу, Маяковского, Горького я неизменно прошу ознакомиться со статьями Наума Лазаревича. А теперь у нас наконец-то есть учебник «Русская литература XX века (1917-1920-е

годы) – коллективный труд, львиная доля которого написана Лейдерманом, остальное собрано и отредактировано им. Жаль, что Наум Лазаревич не дожил до выхода этого капитального труда. Я думаю, что теоретические и методические труды Наума Лазаревича уже стали классикой отечественного литературоведения, его идеи будут развиваться, дополняться, но они, безусловно, сохраняют свою актуальность для разных поколений филологов.

Скрипова О.А., УрГПУ, Екатеринбург

Вспоминая о Науме Лазаревиче Лейдермане, думаешь прежде всего о масштабности, уникальности его личности, что ощущалось всеми, кому приходилось общаться с ним. Сегодня, «на расстоянии», это понимание личности Наума Лазаревича становится еще более очевидным. Ничего суетного или мелочно-тщеславного не было в нем. Увлеченный любимым делом, Наум Лазаревич не позволял себе размениваться по пустякам. Будучи прирожденным лидером, человеком с мощным интеллектом и необычайно сильной энергетикой (и это тоже признавалось всеми), он умел заражать научными идеями, спланировать людей вокруг себя, увлекать общим важным делом своих коллег, учеников.

По натуре своей Наум Лазаревич был созидателем. Думается, не случайно основным предметом его изучения стал жанр – «главный герой», по выражению М.М. Бахтина, литературного процесса – с его «построющей», «миросозидающей» функцией, как ее определял сам Наум Лазаревич. Теория жанра Н.Л. Лейдермана, сложившаяся в основных своих чертах к 80-м годам, уже давно выдержала испытание на прочность. У нее много сторонников, ее эвристический потенциал давно уже подтвержден многочисленными исследованиями самого ученого и работами его многочисленных последователей и учеников, что дает право говорить о существовании лейдермановской научной школы. В своем завершенном виде жанровая концепция Наума Лазаревича получила выражение в книге, оказавшейся для него последней, – «Теория жанра» (2010), которая, я убеждена, станет настольной для многих поколений исследователей, интересующихся проблемами жанра.

И вместе с тем, говоря о «завершенности» теории жанра Н.Л. Лейдермана, я вовсе не имею в виду ее абсолютную окончательность, которая возводила бы эту теорию в ранг «истины в последней инстанции». И сам Наум Лазаревич, убежденный в том, что «исследования теоретического характера, в принципе, не имеют завершения» и «здесь последняя строчка – не финиш, скорее приглашение на старт», так не думал. Подтверждением этого является «открытый финал» книги Наума Лазаревича, к которой он, по собственному признанию, шел «всю жизнь». Книга завершается формулированием основных проблем, «возбуждаемых» теорией жанра и требующих, по мнению ученого, сво-

его разрешения. Последняя фраза: «Они, надеюсь, станут предметом научных интересов новых исследователей» – воспринимается сегодня как научное завещание Наума Лазаревича.

Для меня лично встреча с Наумом Лазаревичем имела большое, даже, может быть, решающее значение. Я считаю его своим учителем, довершившим мое филологическое образование, сообщившим ему тот теоретический фундамент, которого мне не хватало, без которого была бы невозможна моя сегодняшняя как преподавательская, так и научная работа. Благодаря Науму Лазаревичу я нашла свою исследовательскую тему и по мере сил и способностей своих продолжаю изучать русскую литературу в жанровом аспекте. И своих аспирантов и студентов стараюсь учить тому, чему я научилась у Наума Лазаревича.

Ермоленко С.И., УрГПУ, Екатеринбург

Мое знакомство с Наумом Лазаревичем началось как заочное. Я училась в небольшом поселке в Свердловской области, и наша учительница литературы в конце 1980-х частенько ездила в СГПИ (так тогда назывался УрГПУ) на курсы. Оттуда она и привезла фамилию «Лейдерман»: она нам рассказывала о его лекциях о Мандельштаме, Бабеле, Булгакове. В её рассказах сквозили восхищение и недоумение, которые вызывал в ней этот человек. Нет, она говорила без придыхания, но как-то с радостью и большой симпатией. Возникал в моем детском сознании образ человека, который владеет умами. Его хотелось увидеть.

Я поступала в пединститут на филфак в 1991 году. В мае, приехав на День открытых дверей филфака, проходила по второму этажу – и первой фамилией, которую прочла, была именно фамилия Лейдермана. Сердце мое сжалось.

Нашему курсу, как я понимаю, повезло невероятно – всю историю литературы XX века нам читали Наум Лазаревич и его сын Марк Наумович Липовецкий. На первом курсе мы слушали в исполнении Лейдермана «Введение в литературоведение». Параллельно с этим курсом шла «античка» – так вот, Наум Лазаревич напоминал античного бога. Зевса, не меньше. Громкоголосый, огромный, с пронизывающим взором. Мы трепетали. Наум Лазаревич очень любил ходить по римской аудитории, часто подходил к кому-то из студентов и разговаривал как бы именно с ним. При этом мог взять в руки твой пенал, карандаш, очки. Потом эти предметы становились для нас, первокурсников, «фетишем». Ну и контакт «глаза в глаза» с Лейдерманом как-то приподнимал тебя в своих глазах и глазах аудитории.

Наум Лазаревич очень сердился, когда мы чего-то не знали, о чем он рассказывал как о хорошо знакомом. Его, например, вывело из себя, что студенты не знают передачу «Дежурный по стране». Он был убежден, что учитель литературы должен быть универсалом, быть любо-

пытным – знать современное кино, живопись, театр. Везде бывать, всем интересоваться. Особенно требовательно он относился к немногочисленным юношам филфака. Если поблажки девушкам могли быть сделаны – то мужчины должны были быть осведомленными во всем. Ни малейших пробелов в знаниях Наум Лазаревич не допускал, им не позволялось «проехать на соплях», как он мог сказать.

На экзамене он всегда спрашивал, что мы знаем о личной судьбе писателя. Например, ответить на вопрос о «Погорельщине» Н. Клюева с первого раза не удавалось никому. Если ты не знал, что происходило с самим поэтом, Наум Лазаревич отправлял в библиотеку – дочитать, доучивать. То же требовалось на ответах по Мандельштаму, Платонову, Ахматовой. Конечно, он был сторонником «семантической поэтики», когда всё – и судьба отдельного человека, и история страны, и поэзия – слиты воедино. И всегда было понятно, кто из поэтов-писателей ему очень дорог, а кто не нравится. Он не боялся этого говорить, всегда свое мнение высказывал.

При всем этом Наум Лазаревич был очень витальной фигурой – очень любил смех, умное веселье, переодевания, карнавал, капустники. Всегда ходил на Дни первокурсника, Последние звонки. Именно там знакомился с талантливыми студентами и – как правило – держал их в поле своего зрения.

Очень любил разговоры. Лекция могла запросто превратиться в разговор, в рассказывание байек – о детстве, об учебе в университете, о писателях, которых особенно любил и которых знал. Был мастером «разговорного жанра»; «одесский говорок» мог воссоздать запросто и очень убедительно. Моя дочка как-то во время просмотра передачи с участием М. Жванецкого, сказала: «говорит, как Лейдерман».

Верил в своих учеников – студентов, аспирантов. Подчеркивал, если ты в себе самом сомневался: «Не боги горшки обжигают».

Гутрина Л.Д., УрГПУ, Екатеринбург

Мое личное знакомство с Наумом Лазаревичем состоялось во время учебы на третьем курсе филфака УрГПУ. К тому моменту мы уже были наслышаны о великом и ужасном Лейдермане, который не прощает «халтуры», но читает лекции так, что хочется немедленно посвятить всю свою жизнь изучению творчества именно того автора, о котором он сегодня рассказывал, – поэтому первое занятие со знаменитым профессором мы ждали с особенным трепетом. В действительности мы, конечно, уже были знакомы с Наумом Лазаревичем – благодаря его книгам, которые читались не менее увлекательно, чем художественная литература. На первом курсе мучительное конспектирование ненадолго переставало быть мучительным, если «проработать» надо было статью Лейдермана. Лекции Наума Лазаревича действительно оказались необыкновенно вдохновляющими, а вот репутация «грозного» преподава-

теля была преувеличена: когда дело дошло до подготовки студентами «научных докладов», стало ясно: Наум Лазаревич – понимающий собеседник, коллега, который готов вместе с тобой биться над твоей – иногда вполне локальной – темой. И тогда, и позднее, уже после окончания университета, поступления в аспирантуру, меня поражала феноменальная вовлеченность Наума Лазаревича во все, что он делал.

Наум Лазаревич часто любил повторять словечко «вкусно», говорил: «Посмотрите, как вкусно написано, с каким вкусом!» или «Надо сделать «повкуснее», поинтереснее!». Это желание и умение находить удовольствие в трудном деле, с энтузиазмом и радостью делиться своими открытиями – то, что наряду с талантом ученого-филолога, тонким слухом к настоящему слову, определяет, как мне кажется, характер Наума Лазаревича. Общение с ним всегда оставляло чувство, что ты столкнулся с жизнью в полном ее течении, с какой-то настоящей, витальной энергией. Поэтому для аспирантов Лейдермана консультация с научным руководителем была своего рода «подзарядкой» (это так и называлось – «пойти подзарядиться»). Сейчас я понимаю, что студенты, аспиранты, кафедра, которую Наум Лазаревич очень любил, и для него самого тоже были «подзарядкой»: он живо интересовался не только научными интересами каждого из нас, но всеми нашими проблемами – и всегда был готов помочь. Наум Лазаревич пестовал семейственную атмосферу на кафедре, любил, когда все собираются вместе, «посиделки» с разговорами обо всем на свете были для него и нас такой же значимой частью кафедральной жизни, как и обсуждение научных докладов, открытых лекций, научных планов и т.д. Модель «кафедры-семьи» – то, что нам досталось в наследство от Наума Лазаревича, наряду с его книгами, статьями, лекциями – и нашими о нем воспоминаниями.

Багдасарян О.Ю., УрГПУ, Екатеринбург